

Д. Д. Черепанов

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА, ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МОСКВА, РОССИЯ

Проблема передачи церковной традиции в творчестве С. И. Фуделя

Аннотация. Статья посвящена одному из самых актуальных вопросов религиозной мысли — проблеме сохранения церковной традиции. Интерес к этой проблеме особенно остро встал для русских религиозных мыслителей XX века, бывших свидетелями радикальных изменений в условиях жизни и коллективном сознании. Изучается трактовка вопроса в работах С. И. Фуделя (1900–1977), церковного писателя, носителя дореволюционной русской культуры, имевшего общение с выдающимися подвижниками рубежа XIX–XX веков, исповедниками веры и новомучениками. Рассматривается церковно-исторический контекст работ Фуделя, проясняется связь между представлениями писателя о путях передачи Предания и его биографией, обликом его учителей и условиями существования гонимой Церкви, о жизни которой свидетельствовали книги Фуделя. Освещается реакция писателя на изменения в условиях церковной жизни в середине XX века и возникшее у него ощущение «разрыва поколений». В статье реконструировано представление Фуделя о «монастыре в миру» как среде, внутри которой хранится церковная традиция. Прояснена связь между понятием Фуделя о церковном Предании и его экклезиологическими взглядами; результаты

исследования позволяют заключить, что явление «потаённой Церкви» как союза «двух или трёх» учеников Христовых не было, с точки зрения Фуделя, временным решением, обусловленным ситуацией в эпоху гонений. Писатель скорее рассматривал такой опыт как выявление истинного учения Церкви о самой себе и непреходящую модель церковных отношений. Как и многие другие, Фудель признавал промыслительное значение испытаний, через которые проходила Русская Церковь. При этом он настаивал, что опыт «потаённой Церкви» раскрывал истинное учение Церкви о самой себе, сохранявшееся во все века. Рассматривается также вопрос о соотношении взглядов Фуделя и иных подходов к проблеме «разрыва поколений». Оценка, которую Фудель давал предыдущим эпохам, отличавшимся «внешним благополучием» христианства, позволяет охарактеризовать его отношение к различным концепциям традиции, как классическим, восходящим к временам Византийской империи, так и современным писателю.

Ключевые слова: религиозная мысль, Русская Православная Церковь, экклезиология, традиция, С. И. Фудель

Для цитирования: Черепанов Д. Д. Проблема передачи церковной традиции в творчестве С. И. Фуделя // Ортодоксия. — 2023. — № 2. — С. 92–115. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-2-92-115

ВВЕДЕНИЕ

В сложных исторических обстоятельствах XX века перед русской религиозной мыслью остро встал вопрос о способах передачи церковной традиции. Особое место этот вопрос занимал в творчестве С. И. Фуделя (1900–1977), известного церковного писателя, считавшего своей главной задачей сохранение духовного наследия в условиях «разрыва эпох». В научной и богословской литературе подробно освещена биография Фуделя (Балашов, Сараскина 2011) и его экклезиологические взгляды (Горбачук 2007). Цель данной статьи — выявить основные аспекты

проблемы передачи церковной традиции в её постановке Фуделем и реконструировать намеченные им пути её решения. Необходимо прояснить связь между характером церковного окружения Фуделя в разные периоды его жизни и представлениями писателя о церковном Предании. Также следует охарактеризовать реакцию Фуделя на изменяющиеся условия церковной жизни с точки зрения её влияния на понимание главного и второстепенного в традиции и рассмотреть понятие писателя о духовном пути христианина, почерпнутое в общении с выдающимися подвижниками XX века и проверенное святоотеческой аскетической письменностью.

ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ С. И. ФУДЕЛЯ

С. И. Фудель, неоднократно подвергавшийся арестам, заключению и ссылкам вместе с видными исповедниками веры, был «подлинным представителем вполне консервативной православной традиции» (Балашов 2017: 73). Взгляды Фуделя во многом сложились под влиянием отца, протоиерея Иосифа Фуделя, и его окружения (О нём см.: Винюкова, Фетисенко 2020). Прот. Иосиф, духовный сын старцев Оптиной и Смоленской Зосимовой пустыней, имел широкий круг общения, в котором преобладали мыслители консервативной направленности: К. Н. Леонтьев, А. Д. и Ф. Д. Самарины, Л. А. Тихомиров, П. Б. Мансуров, М. А. Новосёлов. Вместе с тем прот. Иосифу была свойственна определённая «широта», позволявшая ему близко общаться и с людьми иного склада — свящ. Павлом Флоренским, С. Н. Булгаковым.

Наставники С. И. Фуделя неизменно принимали активное участие в жизни Русской Церкви. Фудель-старший выступал как публицист, был членом Кружка ищущих христианского просвещения и одним из учредителей Братства Святителей Московских. Учителя Сергея Фуделя содействовали подготовке Поместного Собора 1917–1918 годов. В частности, С. Н. Дурылин выпустил несколько брошюр, привлекавших внимание к проблематике, подлежавшей обсуждению на Соборе (Дурылин «Приход, его задачи и организация» 1917;) (Дурылин «Церковный собор и русская Церковь» 1917). Вместе с Дурылиным С. И. Фудель присутствовал на открытии Собора. Помнил Фудель и епархиальный съезд летом 1917 года, на котором «происходили

очень ответственные выборы московского митрополита» (одним из двух кандидатов был архиепископ Тихон, будущий Патриарх, вторым — А. Д. Самарин) (Фудель 2001: 66). Очень рано будущий писатель столкнулся и с проявлениями «тёмного двойника Церкви», зла, находящегося не только внутри «церковных стен», но и претендующего на то, чтобы выражать церковное Предание. Так, Фуделю запомнилось появление на заседаниях епархиального съезда группы «кричащих псаломщиков, будущих живоцерковников», — и сохранился в памяти образ С. Н. Булгакова, боровшегося с этим «бунтом неверия в Церковь» (Фудель 2001: 66).

Вступление С. И. Фуделя в самостоятельную жизнь пришлось на переломный период отечественной истории. Он сохранил воспоминание о 1918–1920-х годах как о времени «скудости во всём» и «великой темноты», но главное — как об эпохе, когда во тьме сиял огнями «свободный корабль церкви» (Фудель 2001: 69). Фудель познакомился с «покаяльно-богослужебной семьёй», которую собирал святой праведный Алексей Мечёв, видел и другие храмы, в которых тогда, по его ощущению, «началась духовная весна». В 1922 году будущий писатель был арестован за «причастность к антисоветской деятельности высших церковных иерархов»: в его квартире хранилось 35 оттисков послания митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского) к архипастырям и всем чадам Православной Русской Церкви (Балашов, Сараскина 2011: 71–73). Во время заключения и в первой ссылке Фудель находился вместе с рядом известных исповедников веры: митрополитом Кириллом (Смирновым), архиепископом Фаддеем (Успенским), архимандритом Неофитом (Осиповым), епископом Афанасием (Сахаровым).

Жизнь Фуделя в последующие годы была неразрывно связана с судьбой находившейся в подполье гонимой Церкви. За первой ссылкой 1922–1925 годов последовала вторая (1933–1936), недолгое время Фудель был в лагере на лесозаготовках и в «смертном бараке». Не имея возможности поселиться в Москве после возвращения, Фудель перебрался в Сергиев Посад, тогда Загорск (Балашов, Сараскина 2011: 113–114). В Загорск Фуделя влекло многое — прежде всего, там сохранялась традиция духовного руководства. Её продолжал живший на нелегальном положении архимандрит Серафим (Битюгов), имя которого впервые появилось в бумагах Фуделя на записи, датированной

15 марта 1937 года¹. Небольшая община духовных детей архим. Серафима находилась под руководством еп. Афанасия (Сахарова) и была связана с другими чадами святителя из числа монашествующих и членов маросейской «покаяльно-богослужебной семьи». Дом Фуделей стал одним из мест, где могла собираться «потаённая Церковь»: там находили приют священники — сам архим. Серафим, свящ. Владимир Криволюцкий, свящ. Петр Шипков, отец Алексей Габрияник, — и в кругу доверенных людей совершалось богослужение (Балашов, Сараскина 2011: 114–115).

В марте 1942 года этот период в жизни Фуделя закончился. За мобилизацией и воинской службой во время Великой Отечественной войны последовали новые арест, заключение и ссылка, продолжавшаяся с 1946 по 1951 год. Освободившись, писатель остро ощутил, что в церковной жизни наступила иная эпоха. Для него лично она началась с «большого одиночества» (Фудель 2001: 201) — вернуться в родные края Фудель не мог и вынужденно поселился в Воронежской области. Но Фудель понимал, что это ощущение одиночества — не только факт его индивидуальной биографии. Разрывались нити, соединявшие верующих между собой. Многие из поколения учителей и наставников скончались, другие исчезли без вести. Младшее поколение также было в значительной степени рассеяно: люди, сохранявшие живую связь с Церковью, в первую очередь подвергались гонениям. Понимая, что вера передаётся в личном общении — «огонь рождается от огня», — Фудель начал писать, чтобы хотя бы таким способом передать полученное от наставников богатство.

Самым ценным в длинной и трудной жизни для Фуделя было явление Святой Церкви. Он навсегда сохранил в памяти образ «истинного монашества», воспринятый в Зосимовой пустыни как «вечно живое и никогда не прекращающееся первохристианство» (Фудель 2001: 14). Своеобразным продолжением этой традиции для Фуделя стало богослужение в тюремной камере, в ссылке или сельском доме, где епископы, священники и верные члены Церкви собирались вокруг импровизированного престола — без иконостаса, с жестяными сосудами — на литургию, приближавшуюся по духовному напряжению, сосредоточенности и простоте форм к временам первых христиан. «Церковь есть стояние у Креста» — в такой формуле Фудель выразил содержание этой

¹ Архив Дома русского зарубежья. Ф. 008, оп. 2, д. 46, л. 13.

совместной молитвы (Фудель 2001: 220). Так во время испытаний, среди заключённых, в Зырянском крае или в Загорске, когда участники богослужения разделяли и скудную трапезу, и риск, осуществлялось «живое общение Епископа, клира и мирян», на которое надеялись когда-то создатели Братства Святителей Московских. Образ такой — страдающей и одновременно торжествующей — Церкви Фудель пытался сохранить для тех, кто, «может быть, никогда не видел святых» (Фудель 2001: 220).

ИЗМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ И ОЩУЩЕНИЕ «РАЗРЫВА ПОКОЛЕНИЙ»

Первые работы Фуделя были написаны во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов. Фоном для них было не только исчезновение учителей из среды «непоминающих», но и изменения в условиях церковной жизни. Многие из них внушали надежду на «нормализацию» существования Церкви. Снова действовала Троице-Сергиева лавра, открылись духовные семинарии и академии. У Церкви появилась возможность, хотя и крайне ограниченная, обращаться к обществу со страниц печатных изданий: в 1943 году вновь начал издаваться «Журнал Московской Патриархии» (до того выходил в 1931–1935 годах). 12 сентября того же 1943 года состоялась интронизация Патриарха Сергия, а после избрания Патриарха Алексия I святитель Афанасий (Сахаров) призвал своих духовных чад и всех «непоминающих» воссоединиться с Патриархом. Фудель последовал этому указанию и впоследствии не раз цитировал более позднее письмо свт. Афанасия от 1955 года к тем, кто не откликнулся на призыв святителя и всё ещё оставался, по выражению Фуделя, в «каком-то недоуменном расколе» (Фудель 2001: 81): «Нет поминающих и непоминающих храмов. Теперь везде возносится имя Российского первоиерарха Патриарха Алексия» (Косик 2000: 417). С другой стороны, вместе с надеждой у Фуделя возникала тревога. Он видел, что реальность Святой Церкви часто оставалась недоступной и непонятной, а мысль о «нормализации» церковной жизни у многих верующих связывалась с выходом на «простор», «широкий путь», не похожий на жизнь монастыря.

Фудель не присутствовал, разумеется, на юбилейных торжествах 1942 года в честь тогда ещё митрополита Сергия (Страгородского), где, по выражению автора официального очерка, «горы золочёной

парчи епископских и священнических облачений, множество митр» сияли в «ярко, по-праздничному, освещённом храме, до отказа переполненном многотысячной толпой молящихся» (Ишевский 1942). Но писатель помнил своё впечатление, когда, оказавшись в Москве «после нескольких лет пустынной жизни», увидел, «как “отрок” несёт за архиереем шлейф его великолепной шуршащей мантии» (Фудель 2001: 134). Озабоченность у писателя вызывали то спокойствие и даже «явное удовольствие», с которыми принимались эти «внешность и пышность» (Фудель 2001: 134). Писателя тревожили не формы как таковые — он знал, что и «багряный шёлк, и парча, и серебро на престоле» могут быть пронизаны «всё тем же древним лучом апостольской благодати» (Фудель 2001: 136). Но он считал «опасной для духовного здоровья» ошибкой склонность «принимать за подлинное» «всё то, что было в до-революционной церковности и церковной литературе»: из прошлого наравне с традицией святости шло и «равнодушие к человеку, внешность во всём, <...> стирание границ между Церковью и государством, обмирщение, богословский рационализм, жизнь по плоти, а не по Духу Божию» (Фудель 2001: 163).

Поэтому Фудель особенно много внимания уделял теме различия, выбора между подлинным и наносным, безусловно-ценным и преходящим в церковной традиции. Он стремился выразить *главное* в облике и жизни подвижников, с которыми ему довелось общаться. Не ограничиваясь воспоминаниями, Фудель задумал одну из первых своих книг, «Путь отцов», как введение в учение святых отцов-аскетов. Эта работа писателя, хорошо знавшего святоотеческую письменность, получила одобрение старцев Глинской пустыни (Фудель 2023: 441), а святитель Афанасий (Сахаров) назвал её обоснованием «монастыря в миру», добавляя: «Книга, написанная Вами, не есть только упражнение в богословской литературе, а является изображением того, чем живёте Вы» (Косик 2000: 524).

«МОНАСТЫРЬ В МИРУ» КАК «МЕСТО» ХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИИ

«Устав» такого «монастыря» — если распространять аналогию — напоминал больше всего «Устав о скитской жизни» преподобного Нила Сорского. В отличие от известной работы Н. Е. Пестова «Современная практика православного благочестия», книги Фуделя не были задуманы

как систематическое изложение мировоззрения и норм поведения. Вместо этого Сергей Иосифович описывал основные закономерности внутренней жизни христианина. Писатель не устал повторять слова преподобного Серафима Саровского о том, что цель христианской жизни — стяжание Святого Духа: «Христианство есть учение о Царстве Божиим, или учение о Царстве Святого Духа, ещё и теперь, на земле, начинающем жить в своих рабах» (Фудель 2001: 243). «Если нет духовности, то нет, по существу, и веры» (Фудель 2001: 231). В богослужении настоящего монастыря, в совместной молитве, ради которой верующие тайно собирались среди гонений, — но и в торжественных литургиях XIX века, совершавшихся великими святыми, — Фудель видел выражение единой внутренней жизни людей, объединённых стремлением к второму, духовному, рождению (ср. Ин. 3:3–8) (Фудель 2001: 244). Такое согласие «двух или трёх» в молитве и в жизни, «единство устремления людей к Богу» (Фудель 2001: 93), писатель называл «первичной клеткой любви», то есть явлением Церкви (Фудель 2003: 295).

Говоря о православном понимании Церкви, Фудель указывал, прежде всего, на *святость* — отличительный признак как всей Церкви, так и её «первичной клетки». Он подчёркивал, что речь идёт не о «безгрешности», тем более не о «непогрешимости», «но о святости, то есть о том относительном совершенстве, при котором согрешения человека не задерживают его устремления к Богу и к Его святому телу — Церкви» (Фудель 2003: 249). И первохристиане не были безгрешны, но, «отрешаясь вновь и вновь от греха, “простирались вперёд к цели”, к своему возлюбленному Господу. Вот почему они и были святые» (Фудель 2003: 237). Здесь Фудель опирался на апостольские послания: «Если мы говорим, что не имеем греха, мы сами себя обманываем», и вместе с тем — «наше общение есть общение с Отцом и с Сыном Его, Иисусом Христом» (1 Ин. 1:3,8). Сергей Иосифович неизменно основывал своё понимание Священного Писания на святоотеческих толкованиях и цитировал, например, свт. Иоанна Златоуста: «Писания желают, чтобы все жили жизнью монахов, хотя бы и имели жён... Всем людям должно восходить на ту же высоту; то именно и извратило всю Вселенную, что мы думаем, будто монашествующему нужна большая строгость жизни, а прочим можно жить беспечно» (Фудель 2005: 192).

Писатель понимал, что такой взгляд на Церковь труднодоступен для повседневного сознания: «Длинная дорога истории довела нас до полного непонимания той эпохи христианства, когда “праведный был жив верою”,

когда рядовые христиане были святыми» (Фудель 2001: 236). По существу речь здесь шла не о «непонимании», а об осознанном противлении Евангелию. За ложным смирением («мы же не святые!») скрывается желание оправдать маловерие, утвердить собственный идеал «благополучия», своеобразного минимума религиозной жизни. Отсюда, по Фуделю, и произошло характерное для протестантской традиции разделение Церкви на «славную Церковь, не имеющую пятна и порока», которая существует лишь «на небе, а не на земле», и на земную церковь с маленькой буквы. Фудель отмечал близкие мотивы и в работах католических богословов Нового времени, считавших, что историческая церковь «никогда не освободится из сферы зла» (Фудель 2003: 246).

«ЦЕРКОВЬ ЕСТЬ ПРЕОДОЛЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА»

С. И. Фудель видел, что многие его современники воспринимали веру в первую очередь как *идею*, набор взглядов, убеждений и «формул», которые могут быть усвоены с помощью интеллектуального усилия, или даже — используя выражение М. Горького — как «систему фраз». Последнее, с точки зрения Фуделя, было в высшей степени разрушительно, так как вело к «фарисейству», появлению людей, «живущих в какой-то “словесности” веры, на её поверхности» (Фудель 2003: 267). Но и первое — сведение веры к «правильным идеям» — означало для Фуделя иссякание христианской жизни. Принятие христианства как «богатства мышления», выгодно отличавшегося от «скудости материализма», не препятствовало относительно лёгкому совершению поступков, сразу отделявших человека от Церкви (Фудель 2001: 158). Целостное усвоение христианства, о котором писал Фудель, наоборот, требовало изменения не только взглядов, но и перестроения всей жизни. Писатель имел в виду не только избавление от греховных привычек или изменение характера. От своих наставников Фудель воспринял мысль о том, что средоточием жизни, её организующим началом, должно стать *служение* Богу, выражающееся в заботе о Телe Христовом, то есть о живой на земле Церкви.

Подробно раскрывая учение святых отцов-аскетов о трезвении и предупреждая против ложного понятия об «ощущениях», Фудель всё же находил возможным противопоставлять «веру-ощущение» и «веру-обычай». Признаком второй он считал некое формальное, безличное отношение к Богу, искажающее внутреннюю жизнь человека: «В нас

живёт какая-то ненуждаемость в благодати, <...> мы считаем себя, как “православных”, уже какими-то потомственными и почётными обладателями этой божественной силы» (Фудель 2003: 252). Выражение «вера-ощущение» можно, по-видимому, понимать и как «личное откровение» — но ни в коем случае не в смысле некоего «третьего завета» или «тайного знания», выходящего за пределы церковного Предания, а только в смысле личной *причастности* церковному Откровению. В этом отношении Фудель, очевидно, соглашался с формулировкой А. С. Хомякова: «Мудрость, живущая в тебе, не есть тебе данная лично, но тебе, как члену Церкви, и дана тебе отчасти, не уничтожая совершенно твою личную ложь; дана же Церкви в полноте истины и без примеси лжи» (Хомяков 1994: 8).

Как особое событие внутренней жизни Фудель выделял момент «познания Церкви». Этот момент не тождественен пробуждению веры в Бога вообще: писатель по опыту знал, что вполне возможна ситуация, когда и верующие люди «как бы принимают Бога, но не принимают Церкви» (Фудель 2001: 250). Это касалось не только интеллигенции, но и «простецов» из народа: указывая на ряд встреч с такими людьми, Фудель заключал, что можно быть в известном отношении верующим, на протяжении многих лет ходить в храм и участвовать в таинствах, но ещё не знать Церкви (Фудель 2001: 157). Церковь «открывается» человеку, подобно тому, как отрывается Сам Бог: «До познания Бога человек доходит собственными слезами. Не то же ли самое в отношении Церкви?» (Фудель 2003: 193).

Фудель уделял особое внимание моменту получения личного откровения о Церкви потому, что считал его принципиально важным для христианина. Он понимал, что первые шаги в вере человек делает, оставаясь «в одиночестве» или (здесь уместно будет позаимствовать выражение Г. В. Лейбница) оставаясь «монадой», которая «не имеет окон», то есть не сообщается с внешним миром. Сам Фудель, впрочем, пользовался скорее понятиями, воспринятыми через С. Н. Дурылина и свящ. П. Флоренского, и упоминал имя Канта, чтобы символически указать на проблему «одинокого» субъекта, отделённого от Бога, мира и людей некоей непреодолимой преградой.

Фудель знал, что в истории русской и европейской культуры многократно возникала надежда на преодоление этой замкнутости. Но он хорошо понимал, что ни творческий дар человека, ни воображение, ни погружение в мир эмоций или в красоту природы — те пути, на которых

осуществлялись поиски сентименталистов, романтиков, натуралистов или символистов, — не могли дать искомого. «Тайна преодоления одиночества», по Фуделю, открывается не через «стихии» павшего мира, но через дар Святого Духа. Откровение о Церкви раскрывает призвание христианина, его жизненную задачу — «преодоление одиночества». Поэтому Фудель называл в качестве одного из признаков, свидетельствующих о подлинности молитвенного опыта, верное отношение к другим членам Тела Христова. Из посторонних они должны стать братьями, самыми близкими спутниками на жизненном пути: «Как же я, возлюбив своего Учителя, не возлюблю Его учеников, как же рука моя в холодной и беспросветной ночи земного странствия не будет искать для опоры их тёплой руки?» (Фудель 2001: 250).

Такая «встреча» с братьями — неременный признак веры, поскольку «Святая Церковь есть единство и радость в Боге облагодатствованных Им людей», «вселенская дружба учеников Христовых» (Фудель 2003: 193). С точки зрения Фуделя, без такой «встречи» невозможно усвоить православное Предание, так как Церковь по самой своей природе *братство*. «Церковь есть откровение Святого Духа, даруемое взаимной любви христиан», — цитировал он А. С. Хомякова (Фудель 2003: 232). Сергей Иосифович опирался на евангельские слова, сказанные «в ночь основания Церкви» (Фудель 2003: 193): «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам» (Ин. 15:14), — и на заповедь «да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин. 15:12). Вслед за своими учителями писатель видел «священную сущность Церкви» в «онтологическом единстве» её членов, которое означало для него не уничтожение личности, но особый тип отношений, единство во множестве, в котором неким образом отражается «единство и любовь Троическая» (Фудель 2003: 356).

Сергей Иосифович подчёркивал, что «онтологическое» соединение христиан не может оставаться умозрительным, номинальным. Оно непременно требует воплощения, осуществления — живого церковного общения с реальными людьми. Писатель указывал на традиционность такого представления, сохранившегося, в частности, в Апостольском символе веры, определяющем Церковь как «общение святых», и в заповеди из послания ап. Варнавы: «Старайтесь каждый день видаться со святыми» (Фудель 2003: 219). Фудель помнил, что понятие «святой» в древнехристианскую эпоху означало «верный», «верующий».

ХОЛОД «ВНУТРИ ЦЕРКОВНЫХ СТЕН»: БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ ПРЕДАНИЯ

Одним из предметов постоянной заботы Фуделя была необходимость защищать «тепло» подлинной веры от действия «тёмного двойника» Церкви, от «холода», действующего не только вовне, но и внутри «церковных стен». Фудель понимал, что у «внешнего» человека неприятие Церкви может проявляться, например, в непонимании храмового богослужения («Разве Бог не видит, если я молюсь один?») (Фудель 2003: 295). Но гораздо более опасным писатель считал «искреннее непонимание переживания Церкви» (Фудель 2005: 53), когда оно исходило от людей, считающих себя носителями церковной традиции. Такое «непонимание» агрессивно утверждало себя как подлинное православие. В качестве примера Сергей Иосифович приводил статьи К. Леонтьева, подвергнутого критическому разбору романы Ф. М. Достоевского и пришедшего к выводу, что в них «ещё мало православного» на том основании, что Соня Мармеладова, например, «молебнов не служит» (Фудель 2005: 52). В фигуре Леонтьева, с которым был близок прот. И. Фудель, проявлялся трагизм ситуации: даже «хорошие церковные люди», ища привычных форм «византийской церковности», не распознавали дыхания Духа (Фудель 2005: 53).

Причину такого неприятия Церкви Фудель видел в том, что люди, даже признавая, что «Церковь начинается там, где преодолевается самость, обособленность» (Фудель 2003: 295), на практике всё же мыслили свои отношения с другими членами Церкви как временное соприкосновение, сводящееся к тому, чтобы рядом с ними «отстоять часа два великолепное, многокрасочное богослужение», а потом — уже по отдельности — «ехать домой, чтобы есть пироги со всеми начинками» (Фудель 2001: 254). Фудель не мог принять такой взгляд на церковное общение. Ему была близка мысль Флоренского о том, что «предел дробления» Церкви — «не человеческий атом... но общинная молекула» (Фудель 2005: 364) — разумеется, не в смысле какого-то конгрегационализма, то есть «сектантского противопоставления себя Вселенской Церкви», а в смысле «встречи в пустыне мира» «двух или трёх» учеников Христовых (Фудель 2005: 367). О таких «встречах» с церковными людьми — известными, как святитель Афанасий (Сахаров) или архимандрит Серафим (Битюгов), или неизвестными — писатель свидетельствовал в своих «Воспоминаниях».

Фудель конечно же отдавал себе отчёт, что обстоятельства времени делали невозможным существование, например, «церковно-приходских братств», на появление которых надеялся прот. Иосиф Фудель в начале своего служения (И. Фудель 1894: 27). И всё же Сергей Иосифович утверждал, что даже и вынужденное внешнее одиночество не способно отделить от церковного общения душу, сохраняющую память о братьях во Христе, каждый из которых сделался «незабываемым, неслучайным и неповторимым» (Фудель 2005: 365).

ОСМЫСЛЕНИЕ ЭПОХИ «ВНЕШНЕГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ХРИСТИАНСТВЕ»

Было бы неверным считать, что представление С. И. Фуделя о «монастыре в миру» как среде, в которой сохраняется и передаётся церковная традиция, возникло исключительно под влиянием исторических обстоятельств как временное решение, позволяющее «переждать» гонения. Как и многие другие, например сщмч. Дамаскин (Цедрик) (Ермилов 2018: 31), Фудель признавал промыслительное значение испытаний, через которые проходила Русская Церковь. При этом он настаивал, что опыт «потаённой Церкви» раскрывал истинное учение Церкви о самой себе, сохранявшееся во все века.

В свете этого опыта Фудель осмыслял представления о содержании и способах передачи церковной традиции, сложившиеся во времена «внешнего благополучия», то есть в эпоху симфонии Церкви и государства, воспринимавшего себя как государство православное. Для описания этих представлений кажется возможным использовать введённое прот. В. Асмусом применительно к византийскому материалу понятие о трёх типах учения о Церкви: «епископально-иерархической», «имперско-монархической» и «монашеской» экклезиологиях, каждая из которых по своему расставляла акценты, выделяя тот или иной аспект как наиболее ценный в церковной традиции (Асмус 2004). Из них ближе всего Фуделю была «монашеская экклезиология», ставившая «во главу Церкви» духоносного старца и рассматривавшая «мир как большой монастырь» (Асмус 2004: 80). Фудель не случайно выделял в своих «Воспоминаниях» лучшие из дореволюционных монастырей как образец церковной жизни. Это, разумеется, отнюдь не означало отрицания церковной иерархии: «Не только по апостольскому Преданию, но и по ясному апостольскому

Писанию епископская власть установлена в Церкви изначально» (Фудель 2003: 372).

В то же время Фудель приводил ряд примеров, показывавших, что «первичной клеткой», в которой осуществляется поиск воли Божией, с его точки зрения являлась не епархия, объединённая вокруг епископа, и не храм — в обоих случаях отношения между людьми могут быть и безличными, и даже формальными, — а связанный личными отношениями круг «учеников». В нормальном случае, по опыту Фуделя, в центре такого небольшого сообщества находился духовно опытный руководитель, в некоторых случаях — старец, но писатель помнил, что откровение может быть даровано как «живой и благодатный факт» пребывающим «в вере и любви Христовой» (Фудель 2003: 210), но не может быть гарантировано. Понимая, что представление о духовном руководстве и «духовном старшинстве» может быть истолковано однобоко, писатель всё же утверждал, что христианство не может «основываться на внешнем авторитете» и создавать из него «иерархический культ» (Фудель 2003: 372): «На требование всё же какой-то большей определённости и более ясного критерия разве нельзя спросить, где определённость критерия в словах апостола: “Кто Духа Христова не имеет, тот и не Его” (Рим. 8:9)? Не вступаем ли мы всё больше в такое время, когда именно этот критерий будет всё более незыблем?» (Фудель 2005: 226). Поэтому Фудель говорил об апостольском преемстве как о «золотой цепи святых от апостолов до наших дней» (Фудель 2003: 366). Помимо святых в собственном смысле слова, в этой «цепи» оказывались для Фуделя и «рядовые» члены Церкви, не достигшие положения «учителей», но имевшие дар являть её жизнь для ищущих, как «катехизаторы» в первые века христианства (Фудель 2005: 98).

Помимо восходящих к Византии трёх типов экклезиологии, в которых «органами» хранения традиции выступали патриархи и епископат, император и общество или монашеская община, Фудель сталкивался и с иными концепциями. Чаще других его внимание привлекала склонность отождествлять Церковь с «неизменностью» внешних форм её жизни, включая определённый бытовой уклад. Это в особенности касалось обрядности и бытового «благочестия», символическим выражением которого для Фуделя был Иудушка Головлёв. Зная, что в богослужебном уставе выражен «животворящий страх Божий», а продуманность и чёткость его форм отражает «необходимость нашего

молитвенного труда и в нём порядка» (Фудель 2001: 83), писатель вместе с тем видел, что стремление к таким «чётким формам» легко подменяет собой подлинный религиозный опыт: «Акафисты найдут и на этом успокаиваются, а нам заповедано искать общения с Господом и общения с людьми» (Фудель 2001: 167). Фудель пришёл к убеждению, что Церковь не только когда-то в прошлом была способна под действием Духа создавать сложные формы, но и всегда сохраняет эту творческую силу. Поэтому «почувствовать, хоть смутно, движение церковной истории» означало для ученика выдающихся подвижников XX века готовность «к принятию новых, может быть более простых, форм богослужения» (Фудель 2003: 268).

Как и сщмч. Дамаскин (Цедрик), Фудель в вопросе о церковной традиции расставлял акценты принципиально иначе, чем представители эkkлeзиологии, которую можно обозначить как «храмовую». Сщмч. Дамаскин находил возможным писать о людях, «приверженных храму, но совершенно нецерковных», которым нужен только «декорум богослужебный» и «обрядность» (Косик 2009: 317). Сергей Иосифович Фудель не Церковь мыслил по образу храма, но, наоборот, храм воспринимал как «образ и подобие Церкви Христовой» (Фудель 2003: 296). Речь шла о Церкви, которая «по-прежнему живёт и действует в современных святых» (Фудель 2003: 191) и одновременно существует вне времени, ибо «прежде создания мира очами Божиими была уже видна Церковь» (Фудель 2001: 179). Конечно, храм как выделенное помещение был для него необычайно важен: «Любви христианской страшно, что люди в той же одежде и в том же помещении, в которых проходит их грешная жизнь, будут совершать священную службу» (Фудель 2003: 297). И всё же плодом продолжительных испытаний стало осознание, что и «серая петербургская комната» может быть «нерукотворной, то есть единственно вполне надёжной <...> “храминой”» (Фудель 2005: 53). «Жить в Церкви» для Фуделя значило «жить вместе со Святым Духом Божиим, жить так, чтобы в тебе пребывал Бог» (Фудель 2001: 232).

Решительно возражая против всякого «внецерковного христианства», С. И. Фудель делал акцент на необходимости реального собрания верных вокруг евхаристической чаши. Он исходил из того, что «литургия совершается всем народом руками священника» (Фудель 2003: 323). Здесь он цитировал и древних отцов, и современных

ему исследователей, в частности архим. Киприана (Керна) (Фудель 2003: 328), упоминая также параллельно возникающие работы прот. А. Шмемана (Фудель 2005: 373). Однако Фудель понимал, что ни о территориальном приходе времён Российской империи, ни о прихожанах 1960–1970-х годов нельзя было бы говорить как о единомышленном «народе». В его размышлениях проскальзывали печальные ноты: среди «великой толпы, стоящей в храме» он надеялся найти «хотя бы двух» верных христиан, «ради любви и среди любви» которых совершается таинство (Фудель 2003: 215). Трагизм церковной истории, по Фуделю, заключался в том, что внутри церковных стен всё сильнее ощущалось действие «тёмного двойника», в то время как Евхаристия, «литургия верных», не предполагает участия посторонних: «Нужно, чтобы <...> вокруг таинственного приношения за мир оставались только посвящённые в него, только те, кто и сами себя готовы принести Христу» (Фудель 2003: 315). Лик Христов и Святая Церковь, по ощущению Фуделя, как бы уходили из мира. «Всё страшнее видеть, — писал Сергей Иосифович около 1961–1962 года, — как умирает церковная эпоха — “Сардийская Церковь”, как всё пустынное становится жизнь в ней, как всё труднее делаются поиски десяти праведников» (Фудель 2001: 101).

Следует отметить важную особенность представлений Фуделя о церковной традиции. Он неоднократно подчёркивал недопустимость отделения от Церкви, противопоставления себя ей, ухода в какую-то иную, «монтанистскую» духовность. Символом «Церкви верных» в его работах может служить образ «двух или трёх», стоящих в храме среди множества людей. Такое видение церковной ситуации отличало Фуделя от радикально настроенных «непоминающих» и соответствовало скорее позиции свт. Афанасия Ковровского, писавшего: «Не раскольники, а те, которые молились в храмах, где возносилось имя Феофана <Прокоповича>, оставались в Православной Церкви» (Косик 2000: 417). Пример поминовения Феофана Прокоповича, которого святитель оценивал как «бражника» и «развратника», подчёркивал, что ревнителям благочестия необходимо выбирать круг *личного* церковного общения, не порывая связи с Церковью в целом и с иерархией. Это позволяет думать, что в «потаённой Церкви» или «монастыре в миру» Фудель, как и его учителя, видел не только явление определённой эпохи, но и непреходящую модель церковной жизни.

В работах, предназначенных для распространения, пускай и очень ограниченного, из рук в руки, Фудель, разумеется, не мог явно говорить о «закрытом» от внешнего мира бытии «потаённой Церкви». Относительно безопасно можно было писать о литургиях, совершавшихся в тюремных камерах в 1922 или 1933 годах (Фудель 2012: 138), но нельзя было упоминать никого из живых носителей церковного Предания. Только в личном общении можно было узнать, например, что квартира Н. Е. Пестова была не только центром церковного просвещения (через библиотеку Пестова распространялись, в частности, «самиздатовские» копии работ Фуделя), но и местом совместной молитвы и общения. Сохранялась традиция «потаённой Церкви» и в Загорске, где собирались члены «маросейской» общины². Там же существовал подпольный монастырь схиигум. Марии, где нашли духовное руководство некоторые из чад архим. Серафима (Битюгова) (Василевская 2001). Участвуя в общецерковной жизни, в храмовом богослужении, таинствах и т. д., члены этих сообществ оставались Церковью «потаённой», для чужого глаза незаметной. Это не означало разделения Церкви, но лишь выделение из мира «монастыря в миру», в котором хранилась традиция святости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представление С. И. Фуделя о способах передачи церковной традиции опиралось на понятие о духовном пути верующего как о процессе постепенного усвоения Предания, в котором особое место занимало лично переживаемое откровение о Церкви. Фудель уделял много внимания описанию границы, отделяющей от «внешнего двора храма» Церковь верных, учеников Христовых, соединённых опытом соприкосновения со святостью и покаянным стремлением к ней. Такое понятие о среде, в которой сохраняется традиция, обусловило сложное отношение писателя к церковно-исторической ситуации в конце «синодального периода» и его понимание духовных проблем, стоявших перед Русской Церковью.

Дореволюционные дискуссии предсоборного периода, в которых друзья прот. И. Фуделя принимали активное участие, в переосмысленном виде вошли в работы Фуделя-младшего и дали ему материал для анализа

² Ефимов А. Б. «...донести живое предание Святой Церкви, очищенное страданием» // С. И. Фудель и его окружение [Электронный ресурс]. — URL: <https://fudel.ru/donesti-zhivoe-predanie-tserkvi-ochishhennoe-stradaniem/> (дата обращения: 10.10.2023).

экклезиологических моделей не только XIX, но и XX века. Представление о «монастыре в миру» как о «месте», в котором передаётся из поколения в поколение навык церковной жизни, не означало, что из всех «классических» образцов Фуделю ближе всего была «монашеская экклезиология». В отличие от последней, Фудель — как и сщмч. Дамаскин (Цедрик) (Ермилов 2018: 31) — ставил в центр не фигуру «духоносного старца», руководящего всеми сторонами жизни послушников, а единство «двух или трёх», вместе стоящих у Креста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Асмус В., прот. Три типа экклезиологии // Православное учение о Церкви. — М. : Синодальная богословская комиссия, 2004. — С. 76–80.

Балашов Н., прот. Людей надо кормить — физически и духовно: Сергей Фудель: осмысление событий российской истории // Журнал Московской Патриархии. — 2017. — № 4. — С. 70–74.

Балашов Н., прот., Сараскина Л. И. Сергей Фудель. — М. : Русский путь, 2011. — 256 с.

Василевская В. Я. Катакомбы XX века. Воспоминания. — М. : Фонд имени Александра Меня, 2001. — 319 с.

Горбачук Г. Н., прот. Церковь Невидимого града: Экклезиологические воззрения С. И. Фуделя // Новая Европа. — 2007. — № 19. — С. 127–136.

Дурылин С. Н. Приход, его задачи и организация. — М. : Универсальная библиотека, 1917. — 32 с.

Дурылин С. Н. Церковный собор и русская Церковь. — М. : Универсальная библиотека, 1917. — 39 с.

Ермилов П. В. Образ Церкви в творениях священномученика Дамаскина Цедрика // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Филология. Религиоведение. — 2018. — № 75. — С. 28–47.

Ишевский Д. Юбилей Патриаршего Местоблюстителя // Правда о религии в России. — М. : Московская Патриархия, 1942. — С. 61–70.

Косик О. В. Истинный воин Христов: Книга о священномученике епископе Дамаскине (Цедрике). — М. : Изд-во ПСТГУ, 2009. — 384 с.

«Молитва всех вас спасет»: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / под ред. О. В. Косик. — М. : ПСТБИ, 2000. — 709 с.

Обрученный Церкви: Протоиерей Иосиф Фудель: Жизнеописание. Воспоминания. Письма К. Н. Леонтьеву / под ред. Н. В. Винюкова, О. Л. Фетисенко. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2020. — 432 с.

Фудель И., прот. Основы церковно-приходской жизни. — М. : Универс. тип., 1894. — 36 с.

Фудель С. И. Собрание сочинений. — М. : Русский путь, 2001. — Т. 1. — 648 с.

Фудель С. И. Собрание сочинений. — М. : Русский путь, 2003. — Т. 2. — 448 с.

Фудель С. И. Собрание сочинений. — М. : Русский путь, 2005. — Т. 3. — 456 с.

Фудель С. И. Весенний воздух вечности: Письма (1922–1977). Стихи. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2023. — 766 с.

Хомяков А. С. Сочинения : в 2 т. — М. : Медиум, Вопросы философии, 1994. — Т. 2: Работы по богословию. — 478 с.

Сведения об авторе:

Черепанов Даниил Дмитриевич — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, преподаватель кафедры новых технологий в гуманитарном образовании института дистанционного образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета 115184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б, e-mail: ddcherep@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 24.02.2023.

D. D. Cherepanov

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
SAINT TIKHON'S ORTHODOX UNIVERSITY, MOSCOW, RUSSIA

The Problem of Transmitting Church Tradition in the Works by Sergey Fudel

Abstract. The article is dedicated to one of the most relevant issues in religious thought—the preservation of church tradition. The interest in this issue became particularly acute for Russian religious thinkers of the 20th century, who witnessed radical changes in living conditions and collective consciousness. The article examines the interpretation of the issue in the works by Sergey Fudel (1900–1977), a church writer and carrier of pre-revolutionary Russian culture. He had communication with outstanding spiritual figures spanning the late 19th to the 20th centuries, confessors of faith, and new martyrs. The church and historical context of Fudel's works is explored, clarifying the connection between the writer's views on the transmission of church tradition, his own biography, the figures of his mentors, and the existence conditions for the persecuted Church, evidenced in Fudel's writings. The article sheds light on the writer's response to changes in the conditions of church life in the mid-20th century and the feeling of a “generation gap” that emerged in him. It reconstructs Fudel's notion of the “monastery in the world” as an environment where church tradition is preserved. The correlation between Fudel's concept of church tradition and his ecclesiological views is illuminated. The research findings lead to the conclusion that the phenomenon of the “hidden Church” as an alliance of “two or three” disciples of Christ was not, in Fudel's view, a temporary solution stemming from the era of persecutions. Instead, the writer regarded such an experience as an exposition of

the Church's original teaching about itself and an enduring model of church relations. Like many others, Fudel acknowledged the providential significance of trials undergone by the Russian Church. However, he insisted that the experience of the "hidden Church" revealed the original teaching of the Church about itself, preserved throughout the ages. The article also considers the relationship between Fudel's views and other approaches to the "generation gap" problem. Fudel's evaluation of previous eras, marked by the "external prosperity" of Christianity, allows characterization of his attitude towards various concepts of tradition, both classical, tracing back to the times of the Byzantine Empire, and those contemporary to the writer.

Keywords: religious thought, Russian Orthodox Church, ecclesiology, tradition, Sergey Fudel

For citation: Cherepanov, D. D. (2023). The Problem of Transmitting Church Tradition in the Works by Sergey Fudel. *Orthodoxia*, (2), 92–115. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-2-92-115

REFERENCES:

“Molitva vseh vas spaset”: *Materialy k zhizneopisaniiu sviatitelia Afanasiia, episkopa Kovrovskogo* [“Prayer Will Save You All”: Materials for the Biography of St. Athanasius, Bishop of Kovrov] (2000). O. V. Kosik (Ed.). Moscow: PSTBI. [In Russian].

Asmus, V., archpriest. (2004). Tri tipa ekkleziologii [Three Types of Ecclesiology]. In *Pravoslavnoe uchenie o Tserkvi* [Orthodox Teaching on the Church] (pp. 76–80). Moscow: Sinodal'naia bogoslovskaiia komissiiia. [In Russian].

Balashov, N., archpriest. (2017). Liudei nado kormit' — fizicheski i dukhovno: Sergei Fudel: osmyslenie sobytii rossiiskoi istorii [People Need to Be Fed — Physically and Spiritually. Sergei Fudel: Understanding the Events of Russian History]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, 4, 70–74. [In Russian].

Balashov, N., archpriest, Saraskina, L. I. (2011). *Sergei Fudel*. Moscow: Russkii put'. [In Russian].

Durylin, S. N. (1917). *Prikhod, ego zadachi i organizatsiia* [Parish, Its Tasks and Organization]. Moscow: Universal'naia biblioteka. [In Russian].

Durylin, S. N. (1917). *Tserkovnyi sobor i russkaia Tserkov'* [Church Council and the Russian Church]. Moscow: Universal'naia biblioteka. [In Russian].

Ermilov, P. V. (2018). *Obraz Tserkvi v tvoreniakh sviashchennomuchenika Damaskina Tsedrika* [The Image of the Church in the Works of the Holy Martyr Tsedrik of Damascus]. *Vestnik PSTGU. Seriia 1: Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie*, 75, 28–47. [In Russian].

Fudel, I., archpriest. (1894). *Osnovy tserkovno-prikhodskoi zhizni* [Fundamentals of Church and Parish Life]. Moscow: Univers. tip. [In Russian].

Fudel, S. I. (2001). *Complete Works* (Vol. 1). Moscow: Russkii put'. [In Russian].

Fudel, S. I. (2003). *Complete Works* (Vol. 2). Moscow: Russkii put'. [In Russian].

Fudel, S. I. (2005). *Complete Works* (Vol. 3). Moscow: Russkii put'. [In Russian].

Fudel, S. I. (2023). *Vesennii vozdukh vechnosti: Pis'ma (1922–1977). Stikhi* [Spring Air of Eternity: Letters (1922–1977). Poetry]. Moscow: Izd-vo PSTGU. [In Russian].

Gorbachuk, G. N., archpriest. (2007). *Tserkov' Nevidimogo grada: Ekkleziologicheskie vozzreniia S. I. Fudelia* [Church of the Invisible City: Ecclesiological Views of S. I. Fudel]. *Novaia Evropa*, 19, 127–136. [In Russian].

Ishevsky, D. (1942). *Iubilei Patriarshego Mestobliustitelia* [Anniversary of the Patriarchal Locum Tenens]. In *Pravda o religii v Rossii* [The Truth About Religion in Russia] (pp. 61–70). Moscow: Moskovskaia Patriarkhiia. [In Russian].

Khomyakov, A. S. (1994). *Raboty po bogosloviu* [Works on Theology]. In *Works in 2 volumes* (Vol. 2). Moscow: Medium, Voprosy filosofii. [In Russian].

Kosik, O. V. (2009). *Istinnyi voin Khristov: Kniga o sviashchennomuchenike episkope Damaskine (Tsedrike)* [The True Warrior of Christ: A Book about the Hieromartyr Bishop Damascus (Tsedrik)]. Moscow: Izd-vo PSTGU. [In Russian].

Obruchennyi Tserkvi: Protoierei Iosif Fudel: Zhizneopisanie. Vospominaniia. Pis'ma K. N. Leont'evu [Betrothed to the Church: Archpriest Joseph Fudel: Biography. Memories. Letters to K. N. Leontiev] (2020). N. V. Viniukova, O. L. Fetisenko (Eds). Moscow: Izd-vo PSTGU. [In Russian].

Vasilevskaia, V. Ia. (2001). *Katakomby XX veka. Vospominaniia* [Catacombs of the 20th Century. Memories]. Moscow: Fond imeni Aleksandra Menia. [In Russian].

About the author:

Daniil Dmitrievich Cherepanov — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer at the Department of History of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Teacher of the Department of New Technologies in Humanitarian Education, Institute of Distance Education, Saint Tikhon's Orthodox University, 23B, Novokuznetskaya str., Moscow, Russia, 115184, e-mail: ddcherep@gmail.com

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 07.01.2023; approved after reviewing 12.02.2023; accepted for publication 24.02.2023.